

ПОСЛЕДНИЕ ЧТЕНИЯ НА ВИЛЛЕ JEANNETTE

Вечеслав Казакевич

Русская классика чуралась стариков. Главные герои наших классических произведений, как правило, люди молодые. Старики в них, если и выглядывают, то чаще в качестве второстепенных персонажей. И изображаются или в нелестных тонах – вспомним пушкинского скупого рыцаря, Мазепу, грибоедовского Фамусова, гоголевского Плюшкина – или комически – старосветские помещики, например. То, что наша литература молода и сделана преимущественно мальчишками, видно и потому, что большинство этих героев, если к ним присмотреться, совсем не старики ни по возрасту, ни по образу жизни. Стариками они могли казаться лишь в позапрошлом веке нашим юным классикам!

У Бунина есть автобиографическая трилогия, которую никогда не рассматривали в этом качестве. Первая ее часть - роман «Жизнь Арсеньева», о молодости Бунина. Вторая часть – «Окаянные дни», записки о революции и гражданской войне. Третья часть – дневники 1939-1945 годов написана в старости.

Представьте южное побережье Франции. Летом - жара, зимой ледяной ветер. На горе дом с башней, снятый русским писателем. В доме, кроме Бунина с женой, живут еще четверо человек, которых они приютили: литератор Зуров, которого любит жена Бунина и не любит Бунин, Бахрах, что старательно заносит разговоры с Буниным в блокнотик, и две лесбиянки - бывшая любовница Бунина Галина Кузнецова и ее подруга Марга Степун.

Произведения о войне описывают битвы и сражения. Бунинские дневники рисуют войну непривычно. Новости с фронтов соединяются с описаниями природы, повседневных происшествий. Получается примерно так: «Гитлер говорил о крови и победе...А вечер был удивителен по красоте... Луна стоит над головой... Японцы напали на Америку...идет снег... Немцы пишут, что убили уже русских более 5 миллионов... Цветут розы... девушки стучат деревянными сандалиями».

И видно, что даже мировая война для большинства населения Земли была чем-то далеким и маленьким; что облаков, звезд, цветов, снегопадов в мире было неизмеримо больше, чем танковых и авиационных сражений. Видно, какой скучной и тягостной казалась эта война: за год до конца войны Бунин записывает: «Хоть бы было что-то решительное!»

В 1940 году ему исполнилось 70. Свое состояние он описывает так: «Грусть, тоска, одиночество, слабость, усталость, сонливость, вялость, скука, безнадежность, безволие, чувствую себя тупым и слабым». Нам понятно, это - старость. Но видимое для нас - не очевидно для Бунина. «Верно, старею...» - записывает он, словно сомневаясь.

Часто он пишет о своей тревоге, об ожидании неприятностей. Фраза «Проснулся от страха смерти» открывает причину этой тревоги. Смерть зачисляется в разряд неприятностей! Увы, от этого она не становится менее страшной. Страх смерти подавляет другие эмоции. Вот запись о гибели Троцкого: «Раньше я бы обрадовался смерти этой гадины, а сейчас отнесся к ней безразлично».

Мы представляем старость как постепенное разрушение организма. Но старость еще и душевное заболевание. «Я тяжело болен душевно – до отчаяния!» - восклицает Бунин, и эта болезнь души, возможно, и является главным показателем старости.

Он фиксирует, что происходит с его телом: «мертвеет рука, леденеет голова, боль в темени, шла кровь горлом, болит сердце, болит печень, рвота, кашель...» Ему часто приходится ездить к дантисту. Как это глупо - до смерти лечить зубы! Бунин пьет лекарства, ему кладут компрессы. Чем больше у него болезней, тем чаще врачи говорят, что у него хорошее здоровье. Даже выписывая очки, сообщают, что зрение у него отличное, а очки это просто так, для дальности. Кажется, мы все, с точки зрения врачей, умираем в великолепном физическом состоянии.

Бунин страстно просит у Бога еще жизни. И одновременно поминутно повторяет: это мои последние дни! А жить ему остается еще 13 лет. Немало! Так что не стоит торопиться прощаться с жизнью, хотя и очень надеяться на ее продолжение тоже не нужно.

Старческое проскальзывает во многих записях. Бунин подробно описывает свои траты, даже цены на помидоры. Можно связать это с безденежьем, с трудностями военного времени, однако в России после революции ему жилось не легче, но в его записях той поры старческой мелочности нет. Теперь постоянный мотив такой: «О Боже, разоряюсь! трачу последние деньги!»

О еде и хозяйственных припасах он пишет со скрупулезностью домохозяйки: у нас «ни риса, ни макарон, ни мыла», «оливкового масла осталось 5 бутылок», «сыров почти нет», «ничего есть, кроме фиников и капусты», «дома...колбаса, сделанная из черт знает чего!» Да, в войну жилось трудно. Но в бунинских записях о еде есть особая озабоченность, особый стариковский страх перед голодом и завтрашним днем.

С жалостью он пишет о старении жены. И это тоже стариковское чувство: в молодости мы своих жен не очень-то жалеем. В основе его жалости старческий эгоизм. Бунин боится

ПОСЛЕДНИЕ ЧТЕНИЯ НА ВИЛЛЕ JEANNETTE

остаться один: кто будет заботиться о нем, если жена умрет раньше. К нему приходит мысль о самоубийстве.

Бунин проявляет нескрываемое отвращение к пожилым людям. Хозяйку виллы называет «старой душой». Еще хлеще отзывается об Афанасии Фете: «...противна его старческая любовь...гадкая внешность, большие холодные уши, серая борода». А сам Бунин в этой время влюблен и страдает! Сбрив в старости усы и бороду, он невзлюбил бородатых, усатых и волосатых. Брезгливо относясь к старикам, он будто не видит того, что сам - глубокий старик.

Поразительно много записей о женщинах. Бунин вспоминает былые любовные романы. С особым возбуждением пишет о случайных связях с деревенскими девками. Подобного рода грубые девки волнуют его и во Франции, он замечает, какие легкие юбочки они носят, подробно описывает, как ехал в автобусе, сидя, читал книгу, а эту книгу то и дело покрывали юбки «каких-то двух крупных девок». Замечателен и символичен этот образ читающего старика, которому девки закрывают юбками книжку.

Бунин думает о женском теле, в котором по его словам есть «нечто совершенно особое... никогда не описанное никем». Ему снятся, как он выражается «сладострастные сны». Никто сейчас так не скажет! Скажут – эротические, сексуальные. Былой язык любви и нынешний отличаются друг от друга, как «Тысяча и одна ночь» от медицинского справочника.

Бунин жалеет о том, что раньше не использовал всех возможностей любовных связей. Старость для нас меньше всего связана с эротикой. Между тем Бунин после 70 лет страдает в первую очередь как мужчина. Невесело умирать, втайне мечтая о колбасе и девках!

Еще один предмет весьма заботит его. «Нельзя пить!» - восклицает он, описав, что выпил в баре порцию виски, три джина. Несколько дней он в бар ни ногой, но перед сном пьет водку. Затем записывает, что за завтраком выпил 2 бутылки бордо. Неплохо для семидесятилетнего старика!

В 71 год он с утра пьет коньяк; перечисляет: «за завтраком бутылка красного вина, потом в кафе пил джин, потом портвейн. Потом накупил вина и пил дома. Ночью боялся, что могу умереть». Еще бы не бояться после такой смеси и количества! «Непременно изменить жизнь, - записывает он, - не пить на ночь!» В 75 лет снова запись: «Нельзя мне так пить!» Трогательно и нелепо это стариковское желание бросить пить, начать, как пишет Бунин, «здоровее жить», стоя на краю могилы.

Уверен, у Бунина, придирчиво правившего свой дневник, хватало вкуса, чтобы понять, как часто в дневнике он выглядит и жалко, и комично. Тем не менее, он не исключил нелестные для себя записи. В этой безжалостной откровенности есть особая свобода.

В юности меня поразила эпизод из жизни поэта, декабриста Кюхельбекера. В сибирской ссылке, давно оторванный от литературы, он перечитывал старые журналы и писал статьи в никуда, в которых полемизировал с давно забытыми авторами по давно забытым проблемам. На вилле JEANNETTE Бунин перечитывает русские журналы восьмидесятых годов 19 века. Он не раз пишет: «читаю все в последний раз».

Ощущение, что вы берете в руки книгу последний раз в жизни, заставляет взглянуть на текст особыми глазами. Бунин не случайно перечитывает журналы конца века - это время его молодости, время его первых публикаций. Перед нами прощальный взгляд на литературу, на свой путь. Когда-то он вслух читал эти журналы любимой девушке, писал об их содержании так: «чудные вещи, честное слово!» Сейчас старческая рука выводит: «...ужасная была беллетристика в «Отечественных записках» и тому подобных журналах».

Бунин перечитывает русскую классику и современников, многих он когда-то ценил высоко. Нынешние его оценки таковы: «Восточные повести» Лермонтова – «детский убогий вздор», Щедрин – «умный, но литератор», Фет – «все из рук плохо. Много даже противно», Лесков – «скучно, ненужно», Боборыкин – «нудный...скука адова, длинно, надумано», Герцен – «много скучно», Гончаров – «нестерпимо длинно, устарело», Эртель – «ужасно», Розанов – «ничтожно, иногда просто глупо», Гиппиус – «мошенница», Горький – «пошло и бездарно», Зоценко – «плохо, убогий полудикарский язык», Федин – «сумбур, выдумки». Особенно достается Гоголю и Достоевскому: «не знаю, кого больше ненавижу Гоголя или Достоевского».

Некоторых он хвалит. Но с такой оговоркой, что те, которых он хвалил, наверно, сказали бы: «Лучше б не хвалил!» О Соллогубе – «ловко, но не нужно», о Тургеневе – «мастерство изумительное, но все искусственно, ненужная болтовня», об Алексее Толстом – «очень талантлив, но часто городит чепуху, как пьяный», о Шолохове – «талантлив, но груб в реализме...хам и плебей», о Бабеле - «очень способный – и удивительный мерзавец...грязный хам, мерзкий умом и душой». Даже о Чехове и Толстом, верность которым хранил всю жизнь, отзывался резко. Пьеса Чехова «Иванов» - «совершенно никуда» не годится. «Записные книжки» Чехова – «очень неприятно». «Смерть Ивана Ильича» Толстого – «конец невразумителен...все лживые».

Сознавал ли Бунин, что дает убийственную картину русской литературы? Он лишь побоялся или не счел нужным сделать окончательный вывод: «Вся литература, не только русская - вздор и ерунда!»

Автор любого дневника естественно превращается в героя этого дневника. Вдвойне это относится к Бунину, работавшему над своим дневником, как над подлинным художественным произведением. Кого же напоминает герой этого дневника? Яростные и постоянные нападки

ПОСЛЕДНИЕ ЧТЕНИЯ НА ВИЛЛЕ JEANNETTE

Бунина на Гоголя и Достоевского выдают его особую связь с этими писателями. В основе ее, я думаю, не родство стилиа и идей, а странное сходство писателя Бунина с персонажами Достоевского и Гоголя.

В письмах молодого Бунина к его первой возлюбленной то и дело встречаются такие пассажи: «Драгоценная моя! мамочка, зверочек мой ненаглядный...умираю от желания расцеловать твои глазочки, ручки и ножки». Боже, что за знакомый голос?! Почти такими же словами, с теми же интонациями обращался к предмету своих вздохов Макар Девушкин – герой повести Достоевского «Бедные люди».

Юный Бунин и книжный Девушкин схожи: оба мелкие чиновники, без гроша за душой. Бунин мечтает выпустить первую книжечку стихотворений. И Девушкин размышляет о том же. И любовь у них кончается одинаково: любимые уходят от них. Примечательно, что и героиню Достоевского, и девушку Бунина звали одинаково – Варвара.

Молодой Бунин в письмах часто похож и на персонажей Гоголя. Вот он пишет брату, умоляя выслать, Христа ради, 20-25 рублей, «ибо у нас дожди, а у меня один сюртук и ни одних подштаников». Вот живописует, как культурно проводит время: «Сейчас сделаю папироску и ляжу с Гете». Вот строчит о знакомых чиновниках: «Начальник – старая ж... . Но мы с ним ладим». Цитаты можно продолжить. Но вы уже узнали залихватский стиль Хлестакова.

Слово «сладострастный», вырывающееся у Бунина в дневнике, отсылает нас к другому герою Достоевского – Федору Павловичу Карамазову. Как это ни парадоксально, у благороднейшего Бунина и отвратительного старика Карамазова немало схожего! Оба из бедной дворянской семьи. У обоих было два брака. Оба до отчаяния влюблены, зачарованы женщинами. Даже пристрастие к коньяку у них одинаковое!

И людям, окружающим Бунина на вилле, можно найти соответствия среди персонажей романа Достоевского. Умный Бахрах – это своего рода Иван Карамазов. Зуров, не выносящий Бунина, – конечно, сумасбродный Митя. Нет Алеши. Но такие ангелы редко встречаются в жизни. Галину, последнюю безнадежную любовь Бунина, можно сравнить с Грушей. Галина живет в паре с Маргой. Но и у Груши есть пара - Катерина. Вот только героини Достоевского не лесбиянки!

Митя замыслил убить отца и однажды избил его. Зуров, ничтожный литератор, приживала в доме Бунина тоже как-то в ярости набросился на Бунина. Митя Карамазов, как вы помните, выбрал в качестве орудия убийства кухонный медный пестик. Невероятно, но такой же пестик появляется в схватке между Зуровым и Буниным.

Есть запись слов жены Бунина: «Достоевский многое мне объяснил и в самом Бунине, и в жизни нашего дома».

Кто знает, возможно, бунинская нелюбовь к Гоголю и Достоевскому была связана в первую очередь с тем, что Бунин подсознательно ощущал связь между собой и героями этих писателей. Каково узнавать себя в отрицательных книжных персонажах, со страхом думать, что ты, со всем твоим «умом и талантом», всего лишь воплощение чьего-то писательского вымысла?!

Уникальность дневников Бунина, во-первых, в том, что это записи старика, который не предается воспоминаниям, а дотошно описывает дни своей старости. Во-вторых, эти дневники так беспощадно честны, что заставляют вспомнить об исповедях Руссо и Толстого. В-третьих, это бунтарское произведение. Бунт обычно связывают с молодостью. Перед нами редкий случай – бунт старика, да к тому же еще бунт литературного персонажа. Бунин восстает против войны, против старости, против литературных авторитетов. Его бунт как бы говорит нам: если бы мы не были так покорны и равнодушны, если бы не смирились с тем, в каком мире и как существуем, у нас давно не было бы не только войн и плохой литературы, возможно, мы бы одолели и старость, и саму смерть.